

А.Титаренко

**КИТАЙСКИЙ ФАКТОР В ТАДЖИКИСТАНЕ:
ПЕРСПЕКТИВЫ И УГРОЗЫ**

Статья принята к печати 10.09.2021.

DOI: 10.20542/2073-4786-2021-3-110-125

Введение

После того как Вашингтон объявил Пекин своим главным экономическим соперником в глобальном масштабе и продемонстрировал, что готов использовать против него жесткое политико-экономическое давление, китайское руководство стало принимать меры по защите суверенитета страны и обеспечению поступательного социально-экономического развития. Важным условием для этого китайские власти считают расширение доступа к природным ресурсам и транспортно-логистическим маршрутам, проходящим по территории сопредельных государств.

Инструментом доступа к этим ресурсам и транспортным коридорам остается концепция «Один пояс, один путь» (ОПОП). В этой связи с точки зрения стратегических интересов Пекина приоритетное значение приобретает потенциал стран Центральной Азии (ЦА), где позиции России продолжают ослабевать, а влияние Запада и других внешних центров силы, включая Турцию, Иран, Индию, Израиль и монархии Персидского залива, пока относительно слабо. Особое внимание при этом в КНР уделяют Таджикистану, который в силу ряда причин оказался в наибольшей мере втянут в орбиту интересов Пекина.

Степень этой вовлеченности, ее положительные и отрицательные аспекты с точки зрения перспектив развития Таджикистана являются предметом исследования таких ученых и экспертов, как Д.Малышева [1], Д.Попов [2], Е.Ионова [3], А.Грозин [4], К.Сыроежкин [5] и других. Нами предпринят комплексный анализ особенностей и перспектив развития китайско-таджикских отношений, в том числе в контексте обеспечения стратегических интересов России в Республике Таджикистан (РТ) и в Центральной Азии (ЦА) в целом.

Место Таджикистана в системе приоритетов Пекина

В течение последних лет роль китайского фактора в экономической, политической и гуманитарной сферах развития Таджикистана неуклонно возрастает. В отношениях с Душанбе Пекин ориентируется на выстраивание структуры многопланового взаимодействия с перспективой долгосрочного освоения значительного ресурсного и транспортно-логистического потенциала республики. Стратегическое значение РТ для КНР определяется также географическим положением республики между Афганистаном – с его острыми проблемами неустойчивой власти, терроризма, религиозного экстремизма и наркотрафика – и потенциально нестабильным Синьцзян-Уйгурским автономным районом (СУАР) КНР.

Сближению Таджикистана и Китая способствует взаимное понимание проблем партнера. Душанбе неоднократно заявлял о приверженности политике «Одного Китая» и поддерживает действия китайских властей в отношении уйгурского меньшинства, воспринимая потенциальную дестабилизацию региона в результате террористической активности и распространения там агрессивного исламизма как одну из основных угроз. Пекин со своей стороны выступает за территориальную целостность Таджикистана, не поддерживает оппозицию и избегает критики действий таджикских властей в Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО), где существуют сепаратистские настроения.

На международной арене КНР и РТ зачастую занимают согласованные позиции. Так, обе страны выступают за активизацию борьбы с киберпреступностью, за реформирование международных финансовых институтов. Китай и Таджикистан тесно взаимодействуют в рамках международных организаций, включая ООН [2, с. 89].

Важное значение для развития двусторонних связей имело урегулирование погранично-территориальной проблемы. В ответ на обвинения оппозиции в противозаконной «торговле территориями» официальный Душанбе подчеркивает, что КНР «довольствовалась» лишь 5,5 процента от 28,5 тыс. кв. км, составляющих значительную часть территории таджикского Бадахшана, претензии на которые Пекин выдвигал еще во времена СССР.

Усиление китайского влияния в ЦА, в том числе в Таджикистане, началось после развала СССР. Изначально этот процесс носил стихийный и ограниченный характер, так как китайское руководство исходило из того, что Россия считает ЦА сферой своего влияния. Чрезмерная поспешность могла привести к столкновению с Москвой, в чем Пекин не был заинтересован.

Ситуация коренным образом изменилась в 2000–2010 гг., когда, во-первых, появились признаки падения интереса российских политических и

бизнес-элит к Таджикистану (в частности, были свернуты проекты в гидроэнергетике и алюминиевом производстве), во-вторых, осложнились внешнеполитические отношения Душанбе с Узбекистаном и Ираном, в-третьих, резко сократился объем помощи Таджикистану от международных финансовых структур.

В этой ситуации таджикистанские элиты развернулись в сторону КНР, которая, в отличие от западных банков и фондов, выдает кредиты и займы, не увязывая их с вопросами соблюдения прав человека или расширения и углубления демократизации общества. По сути, таджикистанское руководство в большинстве случаев проявляло и продолжает проявлять инициативу в том, что касается углубления китайского финансового и экономического присутствия в республике.

Китай начал планомерно действовать на таджикистанском направлении в 2013 г. после того, как председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул концепцию «Один пояс, один путь». Ее реализация предполагает продуманную и последовательную стратегию включения Таджикистана в сферу влияния Китая – как политического, так и экономического. Не случайно именно Таджикистан стал первой страной, подписавшей с Китаем меморандум по совместному продвижению ОПОП. Это произошло в сентябре 2014 г., а уже в 2017 г. Эмомали Рахмон, посетив Пекин, подписал с китайским лидером «Программу сотрудничества по реализации инициативы ОПОП» и обсудил условия ее сопряжения с Национальной стратегией развития Таджикистана до 2030 г.

Для Пекина эта республика представляет интерес прежде всего как перспективная сырьевая и энергетическая база для развития западных регионов страны, в частности СУАР. Таджикистан в силу своего географического положения находится в коммуникационном тупике, что облегчает задачу продвижения китайских товаров на таджикистанский рынок. В свою очередь таджикистанские элиты надеются получить от Китая необходимые для развития национальной экономики и поддержания социальной стабильности финансовые средства и рассчитывают, что Пекин поможет им выйти из коммуникационного тупика [2, с. 90]. Значительную роль в этом должны сыграть инвестиции частных китайских компаний в предприятия металлообрабатывающей, алюминиевой и цементной промышленности, которые, по китайским оценкам, «будут стимулировать развитие экономики Таджикистана» [6, с. 200].

Сотрудничество с Пекином как путь решения проблем Таджикистана

По китайским данным, КНР занимает 2-е место (после Швейцарии) в импорте и 3-е (после России и Казахстана) – в экспорте Таджикистана, причем до 70% товарооборота республики приходится на торговлю с СУАР [6, 7]. Следует отметить, что таджикистанские и китайские данные по двусторонней торговле существенно различаются. По данным таможи Таджикистана, в 2019 г. товарооборот между двумя государствами составил 660,9 млн долл., а за 9 месяцев 2020 г. – 342,4 млн долл. В 2019 г. объем торговли между РТ и КНР, по китайским данным, достиг 1696,866 млн долл. (экспорт 84,49 млн долл., импорт – 1612,376 млн долл.) [6, с.194; 8].

По версии таджикистанской стороны, разница возникла в результате «различий в правилах таможенного учета», но более вероятной представляется версия о «сером» импорте и контрабанде (что важно в контексте продолжающихся в РФ дискуссий о подключении Таджикистана к ЕАЭС). Основные статьи экспорта Таджикистана – рудные концентраты, хлопок, шкуры и кожи, органические химикаты, драгоценные металлы и камни, цемент, сера, соль, фрукты; импорта из Китая – машины и оборудование, продукция электротехнической и электронной промышленности, ткани, одежда и обувь, оборудование для железнодорожного транспорта, стальной прокат [6, с.194; 8].

Китай – крупнейший источник прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в экономику РТ. Как следует из заявления Э.Рахмона по итогам государственного визита Си Цзиньпина в Душанбе в июне 2019 г., объем китайских вложений в экономику Таджикистана за годы двустороннего сотрудничества превысил 2,6 млрд долл. [9]. В настоящее время в Таджикистане инвестируют и действуют более 400 китайских предприятий, являющихся крупнейшими налогоплательщиками и экспортерами [10].

По словам главы Госкомитета по инвестициям и управлению госимуществом РТ Ф.Хамрализода, китайские инвестиции за 2019 г. составили 262,3 млн долл. – 75,81% от общей суммы ПИИ (около 346 млн.долл.). Для сравнения, объем российских прямых инвестиций составил 33,1 млн долл. [11]. По оценке экспертов, одной из основных причин сложившейся ситуации является то, что российские и, тем более, западные инвесторы опасаются вкладывать средства в экономику Таджикистана из-за неблагоприятного инвестиционного климата в республике и слабого понимания ее потенциала в целом, в то время как Китай зачастую финансирует убыточные проекты, исходя из политических соображений [12].

При этом следует отметить, что китайские инвесторы избегают вкладывать средства в предприятия, которые могут составить конкуренцию

китайским компаниям, но охотно спонсируют строительство объектов транспортно-логистической инфраструктуры, которые помогают ускорить транспортировку товаров из Китая в рамках ОПОП. Реализация этих проектов, однако, далеко не всегда происходит гладко.

В качестве примера можно привести железнодорожный путь Кашгар – Иран, протяженность которого, согласно проекту, должна составить 1972 км и который должен пройти по территории Киргизии, Таджикистана и Афганистана, причем на Таджикистан приходится 392 км магистрали [13]. Несмотря на частые упоминания в печати, этот проект фактически заморожен на неопределенный срок по финансовым и логистическим соображениям (так, до сих пор не решен вопрос о ширине колеи). Кроме того, китайских инвесторов отпугивает нестабильная обстановка на севере Афганистана и проблемы в отношениях между Таджикистаном и Ираном.

В качестве встречного примера можно привести успешное строительство осуществленного China Railway Construction Corporation первого в постсоветской истории Таджикистана железнодорожного участка протяженностью 46 км между Душанбе и Бохтаром. Необходимые средства (72 млн долл.) предоставил Эксимбанк КНР [2, с. 91]. Крупным достижением сотрудничества с КНР в Душанбе считают строительство в республике современных автодорог. В частности, на полученные от Пекина кредиты был выстроен автомобильный коридор Душанбе–Куляб–Калай-Хумб–Хорог–Мургаб–Кульма–Кашгар; помимо этого, правительство КНР предоставило безвозмездный кредит в размере 360 млн долл. для модернизации дорожной сети в городах Куляб и Бохтар [14].

Активно спонсирует Китай и таджикистанские трубопроводы – это еще одно приоритетное направление в рамках «Пояса и пути». Так, для строительства таджикистанского участка газопровода из Туркмении было создано совместное китайско-таджикистанское предприятие Trans-Tajik Gas Pipeline Company Ltd. При его создании каждая сторона внесла по 300 млн долл., причем Таджикистан взял эти средства в кредит у дочернего банка Китайской национальной нефтегазовой корпорации (КННГК) CNPC Finance (НК) Ltd, зарегистрированного в Гонконге. Погасить кредит ОАО «Таджиктрансгаз» рассчитывает за счет оплаты транзита [13].

Кроме того, Китай спонсирует развитие энергосистемы Таджикистана при помощи кредитов, которые выделяются через Эксимбанк. За последние 12 лет китайская компания ТВЕА (Tebian Electric Apparatus) построила ТЭЦ в Душанбе и пять ЛЭП: «Юг–Север» (500 кВ), «Лолазор–Хатлон», «Худжанд–Айни» и «Айни–Рудаки» (по 220 кВ), которые объединили части энергосистемы Таджикистана [15]. В 2018 г. ТВЕА построена ЛЭП «Душанбе–Оби Гарм» (500 кВ) между столицей и строящейся Рогунской ГЭС. Строительство обошлось в 79 млн долл. [2, с. 92].

Таджикистан как страна, богатая гидроэнергетическими ресурсами, в свою очередь заинтересован в участии Китая в завершении проекта Рогунской ГЭС, которая после ввода в строй не только обеспечит все потребности республики, но и позволит экспортировать электроэнергию в Афганистан, Пакистан и КНР [1, с. 105]. Кроме того, китайская компания Heaven Springs Dynasty Harvest Group проявила интерес к освоению ресурсов одного из крупнейших резервуаров пресной воды в Азии – озера Сарез. Душанбе в течение 15 лет предлагал зарубежным инвесторам начать коммерческое освоение Сареза, но согласился на это только Китай [16].

Больше всего, однако, китайских инвесторов интересуют горнодобывающая и металлургическая отрасли Таджикистана – они активно вкладывают средства в строительство и модернизацию предприятий по добыче и переработке руд драгоценных, цветных и редкоземельных металлов. В настоящий момент известно о примерно 40 месторождениях золота в Таджикистане, и все они находятся под полным или частичным контролем китайских фирм.

Так, корпорация Zijin Mining Group Company Ltd, приобретя в 2007 г. 75% акций компании «Зарафшон» по добыче и переработке золота, вложила в СП 400 млн. долл. [13]. В 2018 г. 5% китайских акций были проданы таджикской стороне за 1 долл. Таким образом, Пекин пытается сохранить контроль над компанией и в то же время улучшить свой имидж в глазах населения Таджикистана.

В 2018 г. правительство Таджикистана выдало уже упоминавшейся китайской компании ТВЕА лицензию на геологоразведку и разработку золоторудных месторождений «Дуоба» и «Верхний Кумарг» в Айнинском районе Согдийской области в счет погашения кредита Эксимбанка в 330 млн долл. на модернизацию ТЭЦ «Душанбе-2» [15]. По данным Минпрома РТ, разведанные запасы рудников составляют 64,7 т золота, а предполагаемые – 117,16 т. После сооружения обогатительной фабрики компания будет получать до 2 т золота 999,9 пробы в год.

Китайская компания будет эксплуатировать рудники до тех пор, пока не возместит потраченные на строительство ТЭЦ средства. По условиям соглашения, если запасов этих рудников не хватит на покрытие расходов ТВЕА, то компания получит право на разработку еще одного месторождения [3, с. 111]. Помимо этого, китайская компания ведет работы на месторождении «Пакрут» в Вахдатском районе, запасы которого оцениваются в 134 т золота. Добытое в Таджикистане золото в основном закупается Министерством финансов и Нацбанком для пополнения золотого запаса. В настоящее время Таджикистан занимает третье место среди крупнейших продавцов этого драгоценного металла в мире [17; 18].

В 2019 г. совместная таджикско-китайская компания «ТАЛКО Голд» начала строительство завода по переработке золото-сурьмяного концентрата мощностью 300 тонн в день, акциями которого будут в равных долях владеть таджикская и китайская стороны. Планируется, что завод позволит создать более 600 рабочих мест, а объем производства сурьмы составит более 10 процентов от мирового [12].

Крупнейшим проектом является добыча Таджикско-китайской горнопромышленной компанией (ТК-Горпром) свинца и цинка на месторождении «Зарнисори шимоли» в Согдийской области Таджикистана. Объем инвестиций корпорации составил 200 млн долл. После выхода предприятия на полную мощность оно будет ежегодно производить около 23 тыс. т свинцового порошка и более 21 тыс. т цинкового концентрата [19].

В 2019 г. правительство РТ подписало соглашение о передаче серебряного месторождения «Якчилва» (Мургабский район) в распоряжение компании Kashgar Xinyu Dadi Mining Investment Company Ltd из Синьцзяна. Фирма намерена вложить в проект 39,6 млн долл.; разведанные еще советскими геологами запасы составляют 113 т. Компания освобождена от налоговых и таможенных платежей на ввоз оборудования до 2027 г. [20].

Эксимбанк предоставил кредиты на сумму 88,5 млн долл. для создания Таджикской алюминиевой компанией производств серной кислоты (мощностью 130 тыс. т в год), криолита (12 тыс. т в год) и фтористого алюминия (18 тыс. т в год). Проект реализуется пекинской корпорацией Sinomach. Перспективными в Пекине считают и вложения в разведку и добычу нефтегазовых ресурсов в Таджикистане, испытывающем нехватку углеводородов. В 2013 г. КННГК приобрела 33,3 процента акций при создании на паях с французской Total и канадской Tethys Petroleum совместной Bokhtar Operating Company [13]. Компания ведет геологоразведку на месторождении «Бохтар» на юге республики, запасы которого оцениваются в 3,22 трлн куб. м газа и 8,5 млрд баррелей нефти.

Масштабные инфраструктурные проекты на территории Таджикистана потребовали расширения и модернизации мощностей по производству стройматериалов, в частности цемента, 85% производства которого обеспечивают китайско-таджикские СП [2, с. 95]. Большинство из них финансируются и контролируются китайцами. Это позволило покрыть все потребности страны и начать экспорт цемента в СУАР КНР.

Китай охотно инвестирует в сельское хозяйство РТ. В Таджикистане появилось несколько китайских аграрных компаний, которые берут в аренду тысячи гектаров земли, в основном на юге страны, причем сразу сроком на 49 лет. Местные власти утверждают, что сдают в аренду китайцам только деградировавшие земли, рекультивация которых требует значительных

средств, которых у Таджикистана нет. В основном на этих участках выращиваются рис и хлопок [4, с. 33].

«Освоению» Пекином Таджикистана призвано способствовать гуманитарное сотрудничество. Главной его задачей является смягчение недовольства населения растущим китайским присутствием, создание позитивного образа Китая в массовом сознании. Наряду с регулярным проведением различных фестивалей, концертов и других мероприятий, Китай укрепляет в культурно-образовательной сфере позиции сети Института Конфуция.

Так, Институт Конфуция при Таджикском национальном университете (ТНУ) в Душанбе, основанный в 2009 г. и финансируемый китайским правительством, проводит набор учащихся в возрасте от девяти лет для изучения китайского языка. В 2018 г. заложен новый корпус Института Конфуция при ТНУ, на строительство которого правительство КНР выделило 800 тыс. долл. В 2015 г. при Горно-металлургическом институте Таджикистана (ГМИТ) в г. Чкаловске Согдийской области открыт новый филиал Института Конфуция.

За время существования этих учебных центров число учащихся в них выросло с 200 до 4 тыс. человек. Институт Конфуция предлагает студентам возможность получения стипендии на обучение в Китае. По данным Минобразования РТ, в настоящее время в КНР обучаются более 3 тыс. таджикских студентов. Большинство из них отправляются на учебу в административный центр СУАР Урумчи [2, с. 100].

Даже при одном из самых авторитетных в Таджикистане Российско-Таджикском (Славянском) университете работают курсы по изучению китайского языка, который, наряду с русским и английским, быстро набирает популярность среди молодежи РТ. Этому способствует и позиция самого Китая, заинтересованного в подготовке двуязычных квалифицированных работников для своих региональных предприятий. Китайские компании поощряют стажировку выпускников таджикских вузов на своих объектах [2, с.100; 4, с. 42].

В таджикских СМИ активно освещаются благотворительные акции китайских компаний, например, строительство ТВЕА четырех современных школ, на которое выделено около 9 млн долл. Практикуется раздача школьных принадлежностей учащимся из малоимущих семей. Корпорация «Хуасин цемент» не только строила школы, но и предоставила для этого цемент на общую сумму более 2,3 млн долл. Коммуникационная корпорация ZTE передала в дар Министерству образования и науки РТ 10 тыс. беспроводных стационарных станций, Службе связи — 300 терминалов GOTA для связи в чрезвычайных ситуациях, а Министерству экономики и

торговли выделила системы для проведения видеоконференций [21]. Подобные акции являются важным фактором китайской «мягкой силы».

Новое направление связей – сфера безопасности

Как полагают в Пекине, масштабные инвестиции КНР в Таджикистане нуждаются в гарантиях безопасности. Это тем более актуально в связи с тем, что РТ с 1990-х гг. является объектом подрывной деятельности со стороны различных экстремистских структур, включая Движение талибов¹, «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»², «Партию исламского возрождения Таджикистана» и отрядов ИГ³, действующих с территории Афганистана. Членство в ОДКБ и наличие в республике российской 201-й военной базы оказывают значимое стабилизирующее влияние, однако Китай, будучи объективно заинтересован в спокойной обстановке в Таджикистане, в то же время стремится ограничить там российское влияние, в том числе в сфере безопасности. Так, в 2004 г. российские пограничники вынуждены были покинуть границу в районе Горно-Бадахшанской области, так как в противном случае китайская сторона отказывалась открывать дорогу Душанбе–Хорог–Кульма [22].

По мнению китайской стороны, сооружаемые с участием КНР в Таджикистане инфраструктурные и энергетические объекты, имеющие большое значение для реализации инициативы «Пояса и пути», крайне уязвимы с точки зрения террористической опасности. Самостоятельно обеспечить их защиту власти РТ не в состоянии в связи с нехваткой материальных ресурсов и подготовленных кадров, что диктует необходимость налаживания плотного взаимодействия сторон в борьбе против «трех зол» – сепаратизма, религиозного экстремизма и терроризма [2, с. 97].

Это обуславливает рост взаимодействия между Китаем и Таджикистаном в сфере безопасности – с 1994 г. группы таджикских офицеров проходят контртеррористическую подготовку в КНР [23], а в соответствии с подписанным в 2016 г. соглашением о выделении КНР гранта на модернизацию в Горном Бадахшане пограничной инфраструктуры РТ, в сопредельных с Афганистаном районах предусмотрено возведение трех комендатур, пяти погранзастав и учебного центра. В дополнение Пекин получил права на реконструкцию или строительство до 40 постов охраны на

¹ Террористическая организация, запрещенная в РФ.

² Террористическая организация, запрещенная в РФ.

³ Террористическая организация, запрещенная в РФ.

таджикской стороне границы с Афганистаном. Оснащать и содержать эти объекты будет Китай, но комплектоваться они будут таджикскими пограничниками [24].

В последние годы в ряде стран Запада и Азии активно муссируется тема «китайских военных баз в Таджикистане», в частности в Мургабе, на территории ГБАО. Международная кризисная группа (International Crisis Group) сообщила о совместном контртеррористическом центре в кишлаке Шаймак на границе с СУАР и высокогорным Ваханским коридором — узкой долиной в афганской провинции Бадахшан [1, с. 105]. В то же время Душанбе и Пекин опровергают сообщения о наличии баз НОАК в РТ [2, с. 97].

В августе 2019 г. в Ишкашимском районе ГБАО прошли совместные учения подразделений таджикской и китайской армий по сценарию отражения нападения террористической группы, вторгшейся с территории Афганистана. В учениях приняли участие батальон таджикских ВС и рота спецназа НОАК, прибывшая на своих бронемашинах и со своим оружием. Такие учения проводятся регулярно с 2016 г. [2, с. 99].

По мнению представителей таджикской оппозиции, Э.Рахмон рассматривает Китай в том числе в качестве гаранта внутренней безопасности республики. Во время мятежа генерала Назарзода в 2015 г. появились слухи о китайском спецназе в аэропорту Душанбе и в Варзобе. Мятеж был подавлен без участия китайцев, но эти слухи создали впечатление готовности Пекина поддержать таджикского лидера реальной силой. По оценкам экспертов, китайское военное присутствие на территории Таджикистана носит скрытый характер. Так, часть китайских строительных рабочих в РТ является военнотрудовыми производственно-строительного корпуса (ПСК) НОАК, дислоцированного в СУАР КНР.

Другим аспектом взаимодействия по линии силовых структур является помощь со стороны КНР в модернизации таможенной службы Таджикистана. В частности, по межправительственному соглашению 2018 г., Пекин выделит 30 млн. долл., в основном грантовых средств, для приобретения РТ современной досмотровой техники. Китайцы взяли на себя обучение таджикских таможенников навыкам работы на новейшем оборудовании [25].

Партнерство или зависимость

Несмотря на масштабные китайские инвестиции, которые поступают почти во все отрасли экономики Таджикистана, существующая неравноправная модель взаимодействия КНР и РТ несет для Душанбе значительные риски. Китайские вложения, вопреки ожиданиям таджикских

властей, не дали быстрого эффекта и не позволили основной массе населения Таджикистана вырваться из бедности. По сути, сейчас таджикская экономика существует за счет перекачивания денег – средства, заработанные таджикскими мигрантами в России, идут на покупку китайских товаров, не задерживаясь в республике. Такая модель позволяет сохранять известную стабильность, но в долгосрочной перспективе гарантирует стагнацию промышленности страны.

Пытаясь воспрепятствовать развитию этой тенденции, Душанбе все больше залезает в долги, тем более что Пекин охотно выделяет средства под низкий процент и на долгий (до 25 лет) срок. По китайским оценкам, «через займы и инвестиции в капитальное строительство зависимость Таджикистана от китайской экономики постепенно возрастает. Китайские банки являются держателями значительной части суверенного долга Таджикистана» [6, с. 200].

Пекин, выдавая Таджикистану дешевые кредиты, решает собственные задачи, обеспечивая компании контрактами. При этом китайские кредиты выглядят для Таджикистана, как и для многих других азиатских и африканских стран, безальтернативными – КНР не требует политических реформ или смены государственного строя. Неудивительно, что официальный Душанбе набирает все больше кредитов, заливая китайскими деньгами социальное недовольство и создавая иллюзию быстрого роста экономики. На начало 2020 г. около 54% общего внешнего долга Таджикистана приходилось на КНР; основным кредитором являлся «Эксимбанк». Помимо него, руководство РТ рассчитывает на ресурсы Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, Фонда Шелкового пути.

Таджикские элиты относятся к долговым вопросам достаточно легкомысленно, рассчитывая на то, что страна в случае необходимости может объявить себя банкротом. Эксперты, однако, обращают внимание на то, что Пекин вполне способен потребовать не возврата денег, а доступа к активам предприятий и природным ресурсам [2, с. 94], что может привести к превращению Таджикистана в полноценную сырьевую колонию КНР. Многочисленные предупреждения российских и других иностранных экспертов об опасности «китаизации» экономики Таджикистана остаются без внимания.

Дополнительной проблемой является китайская миграция. Китайские компании «завозят рабочую силу из КНР, а не нанимают ее в Таджикистане, где остро стоит проблема трудоустройства местного населения» [1, с. 106]. Отчасти это объясняется тем, что таджикские рабочие физически не могут выдержать тот темп работы, который принят на китайских предприятиях, а в результате выделенные для них высокие (иногда до 90%) квоты остаются

незаполненными. На совместных предприятиях нередко конфликты между инженерами-китайцами и рабочими-таджиками.

Схожая ситуация наблюдается в сельском хозяйстве, где китайцы-иммигранты, готовые работать в худших условиях и при этом поставляющие продукты на местные рынки по ценам вдвое ниже тех, что объявляют местные фермеры, постепенно вытесняют арендаторов с пахотных земель. Учитывая дефицит земли (лишь 7% территории страны пригодны для земледелия) и быстрый рост населения Таджикистана (до четверти миллиона ежегодно), у местных жителей уже сейчас возникают проблемы с получением пахотной земли в долинах.

Помимо этого, китайцы охотно устраиваются на работы, не требующие квалифицированного труда, занимая места таджиков, уехавших в Россию на заработки. Всего, по оценкам экспертов, численность китайских рабочих в Таджикистане, включая нелегалов, по состоянию на 2018 г. превышала 100 тыс. человек при официальной квоте (за исключением работающих по межгосударственным соглашениям) в 7,5 тыс. человек [2, с. 100].

В Таджикистане, как и в других странах, китайцы образуют замкнутые землячества с собственной инфраструктурой, почти не ассимилируются и поддерживают тесные связи с родственниками в КНР. Они, как правило, не считаются с местными обычаями и ведут себя бесцеремонно, что не способствует росту в стране симпатий к курсу на дальнейшее сближение с КНР. Отмечаются многочисленные бытовые конфликты между местными и приезжими, но жесткий контроль со стороны властей эффективно препятствует массовым антикитайским выступлениям.

В целом следует отметить непрозрачный характер взаимодействия Китая и Таджикистана: многие китайцы присутствуют в стране нелегально, китайский капитал работает с местными элитами и опирается на лоббистские группы, заинтересованные в получении денег от китайских партнеров и сохранении контроля за поставками китайского ширпотреба на таджикские рынки. Эффективная деятельность лоббистских структур, на самом высоком уровне блокирующая деятельность любых иностранных конкурентов, дает компаниям КНР значимые преимущества.

Удастся ли китайскому бизнесу сохранить нынешнее положение, в значительной степени зависит от дальнейшего развития внутривнутриполитической ситуации в Таджикистане. Пекин доволен Эмомали Рахмоном и скорее всего поддержит переход власти к сыну Рахмона Рустаму Эмомали, при необходимости снабдив его средствами для нейтрализации проявлений недовольства.

Основные выводы

Для небогатого ресурсами Таджикистана, по оценке ряда экспертов, развитие отношений с Китаем является «практически безальтернативным» [5, с. 110] в плане надежного доступа к финансированию проектов в области инфраструктуры, энергетики, разработки природных ресурсов, производства стройматериалов, социальной сферы и т.д. Все более очевидной становится зависимость социальной стабильности в республике от уровня и характера отношений с Китаем. Подобная безальтернативность делает позицию Душанбе во взаимоотношениях с Пекином достаточно уязвимой и создает риск потери экономической и политической независимости.

Речь, разумеется, не идет о захвате территории – репутационные потери в глазах развивающихся стран в этом случае будут для Пекина неприемлемо высоки, особенно на фоне осложнения отношений с США. Китай вполне устроит превращение Таджикистана в «хозяйственную провинцию» КНР, сырьевой и энергетический придаток СУАР, которым можно управлять при помощи хозяйственно-экономических рычагов при формальном сохранении республикой государственного суверенитета.

Альтернативой такому развитию событий могло бы стать участие РТ в ЕАЭС, однако таджикские элиты опасаются, что в этом случае республика, вырвавшись из объятий Китая, попадет в зависимость от России. Избежать этого можно было бы при помощи сближения либо с Европой, либо с Пакистаном, Ираном и странами Персидского залива, но Европа не готова всерьез конкурировать с КНР в Центральной Азии, а ориентация на исламские страны чревата всплесками экстремизма. В этой ситуации таджикские элиты, скорее всего, предпочтут двигаться в уже заданном направлении, что полностью устраивает Китай, уже накопивший опыт позитивного взаимодействия с другими государствами Центральной Азии.

Таким образом, по итогам анализа можно сделать вывод, что для Душанбе сохраняется перспектива попасть в необратимую зависимость от Пекина вплоть до возникновения реальной опасности утраты экономического и политического суверенитета. Очевидно, что развитие процесса в этом направлении не отвечает долгосрочным интересам России в данном регионе и на постсоветском пространстве в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Малышева Д.Б. 2019. Постсоветские государства Центральной Азии в политике Китая. – *Мировая экономика и международные отношения*, том 63, №5, с. 101-108. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-5-101-108

2. Попов Д.С. 2019. Таджикиско-китайские отношения на современном этапе: проблемы и перспективы. – *Проблемы национальной стратегии*, 2019, № 4 (55), с. 87-105.
3. Ионова Е.П. 2019. Таджикистан в орбите интересов Китая и России. – *Россия и новые государства Евразии*, № 3 (44), с. 107-120. DOI: 10.20542/2073-4786-2019-3-107-120
4. Грозин А.В. 2017. Таджикистан и региональная политика Китая. – *Постсоветский материк*, № 2(14), с.28-47.
5. Сыроежкин К.Л. 2016. Проект «Экономический пояс Шелкового пути» в сложном пространстве Центральной Азии. – *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, т. 9, вып. 6, с.101-122. DOI: 10.23932/2542-0240-2016-9-6-104-122
6. 周帅 中国与中亚经贸合作稳定发展 中亚国家发展报告 (2020) 社会科学文献出版社 北京 2020. Zhou Shuai Zhongguo yu Zhongya jingmao hezuo wending fazhan Zhongya guojia fazhan baogao (2020). Beijing: Shehui kexue wenxian chubanshe 2020. Чжоу Шуай. Стабильное развитие торгово-экономического сотрудничества между Китаем и Центральной Азией: Доклад о развитии стран Центральной Азии (2020). Пекин, Издательство литературы по общественным наукам, 2020.
7. 石岚 成果显著 前景广阔：中国新疆与中亚国家次区域合作 中亚国家发展报告(2018) 社会科学文献出版社 北京 2018. Shi Lan Chengguo xianzhu Qianjing guangkuo: Zhongguo Xinjiang yu Zhongya guojia ci quyu hezuo Zhongya guojia fazhan baogao (2018) Beijing: Shehui kexue wenxian chubanshe, 2018. Ши Лань. Очевидные достижения, широкие перспективы: региональное сотрудничество между китайским Синьцзяном и странами Центральной Азии: Доклад о развитии стран Центральной Азии (2018). Пекин, Издательство литературы по общественным наукам, 2018.
8. *Trade Map*. *International Trade Centre*. URL: <https://www.trademap.org> (дата обращения 30.04.2021).
9. Заявление Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона для прессы по итогам государственного визита Председателя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина в Республику Таджикистан. – *Народная газета*, 17.06.2019. URL: http://www.narodnaya.tj/index.php?option=com_content&view=article&id=9192%3A2019-06-17-09-26-46 (дата обращения 30.04.2021).
10. Шодиев Х. *Посол КНР: Китай не заманивает страны в «долговые ловушки» и не «похищает ресурсы»*. URL: <https://asiaplustj.info/en/node/277967> (дата обращения 30.04.2021).
11. Комитет по инвестициям: Китай вкладывает в экономику Таджикистана больше всех. – *Sputnik Таджикистан*, 11.02.2020. URL:

<https://tj.sputniknews.ru/20200211/tajikistan-ekonomika-china-lider-investitsii-1030695971.html> (дата обращения 30.04.2021).

12. Юсупов А. Дракон переползает Памир: как идет проникновение КНР в экономику Таджикистана. – *Sputnik Таджикистан*, 16.10.2019. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20191016/tajikistan-china-ekonomika-1030052239.html> (дата обращения 30.04.2021).

13. Каримов А., Бекбулатов А. *Таджикистан – в эпицентре Шелкового пути*. URL: <http://south-insight.com/node/217950> (дата обращения 30.04.2021).

14. Чоршанбиев П. *Китай даст Таджикистану очередной грант. \$360 млн пойдут на дороги в Хатлоне и ГБАО*. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/economic/20191030/kitai-predostavit-tadzhikistanu-ocherednoi-grant-v-360-mln> (дата обращения 30.04.2021).

15. Раджаб Р. *Таджик и китаец – не братья навек: чем опасны контракты с Поднебесной для одной из беднейших стран СНГ*. URL: <https://goldenfront.ru/articles/view/tadzhik-i-kitaec-ne-bratya-navek-chem-opasny-kontrakty-s-podnebesnoj-dlya-odnoj-iz-bednejshih-stran-sng/> (дата обращения 30.04.2021).

16. *Таджикистан и Китай подписали соглашение о продаже воды из Сарезского озера*. URL: <https://knews.kg/2018/07/11/tadzhikistan-i-kitaj-podpisali-soglashenie-o-prodazhe-vody-iz-sarezskogo-ozera/> (дата обращения 30.04.2021).

17. Производство золота в РТ впервые преодолело рубеж в 4 тонны. – *Sputnik Таджикистан*, 28.01.2016. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20160128/1018283294.html> (дата обращения 30.04.2021).

18. Таджикистан попал в тройку мировых лидеров по продаже золота. – *Sputnik Таджикистан*, 07.05.2019. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20190507/tajikistan-trojka-mirovye-lidery-prodaja-zoloto-1028848295.html> (дата обращения 30.04.2021).

19. *Таджикистан подписал соглашение о разработке месторождения свинца и цинка*. URL: <https://e-cis.info/news/567/53901/> (дата обращения 30.04.2021).

20. *Парламент Таджикистана одобрил передачу Китаю серебряного рудника на Памире*. URL: <https://fergana.media/news/111307/> (дата обращения 30.04.2021).

21. Амирбекова З. *Деятельность китайских компаний направлена на улучшение благосостояния Таджикистана*. URL: <http://avesta.tj/2018/03/15/deyatelnost-kitajskih-kompanij-napravlena-na-uluchshenie-blagosostoyaniya-tadzhikistana/> (дата обращения 30.04.2021).

22. Мусофир С. Китай постепенно вытесняет Россию с таджикского Памира. – *EurAsia Daily*, 17.12.2019. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2019/12/17/kitay-postepenno-vytesnyaet-rossiyu-s-tadzhikskogo-ramira> (дата обращения 30.04.2021).

23. Волынец А. *Таджикистан в тени Китая*. URL: <https://rusplt.ru/world/tadjikistan-v-teni-kitaya-14772.html> (дата обращения 30.04.2021).

24. Шэн Сию. *Китайская армия дошла до Таджикистана*. URL: <https://haqqin.az/analytics/155000> (дата обращения 30.04.2021).

25. Юлдашев А. *Китай выделит Таджикистану \$30 млн для укрепления потенциала таджикской таможни*. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/power/20191122/kitai-videlit-tadzhikistanu-30-mln-dlya-ukrepleniya-potentsiala-tadzhikskoi-tamozhni> (дата обращения 30.04.2021).